

GERMAINE ROUILLARD. LA VIE RURALE DANS L'EMPIRE BYZANTIN

Paris, 1953, 202 p.

Автор рецензируемой книги — известная французская исследовательница, которой принадлежит ряд работ по истории Византии, в том числе монография „L'administration civile de l'Égypte byzantine“ (изд. 2, 1928), а также издания источников (Actes de Lavra, I. Paris, 1937). Книга „Сельская жизнь в Византийской империи“ написана на основе лекций, читанных Руйяр в Коллеж де Франс в мае 1945 г. Автор не успел закончить подготовку рукописи к изданию, вследствие чего в отдельных частях книги чувствуется некоторая незавершенность и имеются немало-важные пробелы, которые, возможно, были бы устранены самой Руйяр, если бы не ее кончина, последовавшая 1 сентября 1946 г. Повидимому, окончательную редакцию получила лишь первая из пяти частей книги. Тем не менее, если учитывать отсутствие специальных работ, освещающих аграрную историю Византии на всем ее протяжении, а также значительное ослабление внимания современных западных историков к этому существенному вопросу, то книга Руйяр, несмотря на то, что она была написана десять лет назад, несомненно, представляет известный интерес. Эта книга в какой-то мере является попыткой обобщить результаты исследований по аграрному развитию Византии, добытые наукой ко времени, предшествующему окончанию второй мировой войны. Руйяр не решается назвать свою книгу „Аграрной историей Византии“. Она считает необходимым сделать оговорку, что полное построение такой истории пока невозможно вследствие недостаточной изученности и неравномерной обеспеченности отдельных ее периодов источниками, — но все же содержание книги позволяет вскрыть определенную концепцию экономического развития византийской деревни на всем протяжении истории империи.

В рецензируемой работе пять частей: 1. „Сельская жизнь в Византийском Египте“. 2. „Сельское общество с VIII века до времени Комнинов“. 3. „Сельские классы при Комнинах и Ангелах“. 4. „Сельские классы в эпоху Палеологов“. 5. „Повседневная жизнь византийского сельского населения“.

В результате подобного построения развитие византийской деревни с VIII до середины XI в. рассматривается в рамках одного периода, тогда как в действительности этот отрезок времени включает в себя явно различные этапы аграрной истории империи. Такое членение материала книги находится в связи с концепцией аграрного развития Византии, выдвигаемой автором. В основе этого развития, по представлению Руйяр, лежит антагонизм, борьба между крупным поместьем и мелкой крестьянской земельной собственностью, проходящая через всю историю Византии (стр. 15). Борьба эта вызвана неуклонным стремлением крупных землевладельцев поглотить, подчинить себе крестьян-собственников, прослойка которых, в одни периоды сокращаясь, в другие увеличиваясь, продолжает существовать до конца истории Византийского государства. Рост крупного поместья представляется автору в виде последовательной смены периодов его усиления и ослабления, своего рода „приливов“ и „отливов“. В первый период аграрного развития империи — до завоевания арабами Египта и некоторых других византийских провинций — наблюдается значительное усиление землевладения крупных

магнатов, затем, начиная с VII—VIII и вплоть до XI вв., вновь укрепляется крестьянское землевладение, возрождается свободная община, — значение землевладения поместного типа несколько падает, хотя к концу этого периода вновь наблюдается интенсивный его рост, создающий угрозу для свободного крестьянства. Наконец, XII—XV вв. — это время окончательного укрепления поместья.

Мысль об антагонизме между крупным землевладением и мелкой крестьянской собственностью как о стержне аграрного развития, несомненно, плодотворна и правильно определяет существенную закономерность аграрной истории Византии. Руйяр, в отличие от многих представителей буржуазной историографии, не разделяет весьма распространенного тезиса о „сотрудничестве“ между крестьянином и феодалом и отсутствии каких-либо острых противоречий в социальной жизни средневековья. Руйяр принадлежит к числу тех современных буржуазных историков, которые продолжают лучшие традиции исторической науки XIX в.: она примыкает к направлению буржуазной историографии, признающему наличие классовых антагонизмов в средневековом обществе: это течение представлено в византиноведении прежде всего Ш. Дилем.

Однако выдвигаемая Руйяр концепция развития крупного землевладения в Византии в известной мере обесценивается вследствие неисторического подхода автора к вопросу о характере и роли поместья на отдельных этапах его истории. Крупное землевладение в византийском Египте IV—VII вв. и поместье в Малой Азии в XI и последующих столетиях для Руйяр — явления одного и того же порядка, она не усматривает между ними никакого качественного различия. Руйяр чуждо представление об общественно-экономических формациях. На всем протяжении своей книги она рисует по существу все те же две противостоящие одна другой фигуры — крупного собственника и мелкого крестьянина, причем византийские феодалы времени Ангелов и Палеологов уподобляются ему коптской аристократии Египта эпохи византийского владычества (стр. 89, 123 и др.), а византийские парики ничем, по ее мнению, не отличаются от позднеримских колонов (стр. 106, 125—126). Вследствие этого аграрная история Византии лишается движения, развитие ее сельской экономики, с точки зрения автора, имеет своим конечным результатом отношения, подобные тем, которые господствовали еще в первые века существования империи. Эта картина какого-то бесперспективного круговорота, в известной степени, повидимому, навеяна старыми представлениями о застое и неподвижности, как якобы характерных чертах истории Византии, сохранившихся под внешним покровом перемен, которые не затрагивали ее существа.

Познакомимся несколько ближе с конкретным содержанием рецензируемой книги. Наиболее обширным (стр. 11—79), законченным и самым интересным является первый раздел, посвященный византийскому Египту. В данном случае Руйяр опирается на результаты своих собственных изысканий, изложенные в упомянутой выше работе. Интерес автора к Египту IV—VII вв. при изучении проблем аграрной истории Византии в ранний период ее существования оправдывается той большой ролью, которую играла эта провинция в экономике Византии: Египет был житницей империи. Автор показывает господство крупных оаки в хозяйстве Египта, особенно характерное для VI—начала VII в., но отмечает, что наряду с крупным землевладением сохранялась и мелкая свободная собственность, неустойчивая и подверженная многим опасностям. Руйяр на значительном материале демонстрирует тяжелое положение крестьянства, задавленного государственными налогами, вследствие чего многие

из задолжавших крестьян были принуждены передавать свои владельческие права крупным землевладельцам (путем заклада или дарений своих участков) и превращались в колонов (стр. 15). В результате подобного поглощения земель крестьян владения крупных собственников — потомков коптской аристократии и выходцев из византийского чиновничества — часто оказывались разбросанными по разным областям. Значительная часть этих владений сдавалась в аренду, тогда как *idia γη* собственника обрабатывалась, по мнению Руйяр, руками сельскохозяйственных работников, статуса которых она, однако, не уточняет (стр. 27). Интересные сведения приводятся автором относительно методов ведения хозяйства в византийском Египте. Здесь применялись преимущественно старинные способы обработки земли. Что касается скотоводства, то новым здесь явилось значительное развитие коневодства. Немалое распространение получили ремесло и торговля; занятые в этих отраслях хозяйства люди объединялись в корпорации, выход из которых был воспрещен.

Привлекая обширный папирологический материал, Руйяр тем не менее очень кратко останавливается на таком существенном для понимания египетской экономики вопросе, как способ эксплуатации зависимого населения. Остается, к сожалению, не выясненным и происхождение общины (*to kolonon ton ysergōn*), хотя ее существование автором отмечается. Роль рабов, как полагает Руйяр, в производстве была незначительна, — впрочем, и этот вопрос в книге не получает должного освещения. В гораздо большей мере автора интересует вопрос об управлении имениями. В этой связи она приводит немало сведений о тяжелом положении сельского населения, что нашло свое отражение, например, в жалобах крестьян, адресованных императорским наместникам (стр. 43 и сл.). Ценность этой главы и состоит, пожалуй, главным образом в том, что автором собраны в ней интересные данные, свидетельствующие об остроте классовых антагонизмов в Египте этого периода. Автор упоминает случаи отказа колонов платить подати и налоги, говорит об их побегах и восстаниях, для подавления которых крупные собственники использовали буккелариев. Вместе с тем, Руйяр подчеркивает, что факты такого рода были исключением (стр. 39, 44, 60) и что важную роль в смягчении положения угнетенного населения играло духовенство. Более того, волнения народных масс автор подчас склонен объяснять не их угнетенным положением, а религиозной борьбой, социальная сущность которой остается в книге не раскрытой (стр. 60). Руйяр обнаруживает в византийском Египте также „средний слой“ земельных собственников, наличие которого, как она пишет, можно проследить на протяжении всей истории Византии. В состав этой „сельской буржуазии“ (стр. 50) входили отчасти ремесленники и торговцы, принадлежавшие к корпорациям.

В целом рисуемая Руйяр картина аграрного строя византийского Египта, содержащая целый ряд интересных наблюдений, лишена определенности и четкости; автор не вскрывает системы эксплуатации населения, подчиненного крупным собственникам и государству.

Обширный период с VIII до середины XI вв., отнюдь не представляющий собой единого целого с точки зрения развития аграрных отношений, назван автором „переходным“ (стр. 83). „В эту эпоху, — пишет Руйяр, — глубокие перемены все более и более уничтожали римскую традицию в Византии“ (стр. 111). Автор не знакомит нас ближе с тем, какое содержание вкладывается им в понятие „римской традиции“, но, повидимому, смена рабовладельческого способа производства феодальным не представляется ему все-таки основным процессом, происходившим в этот период. В начале этого „переходного“ периода наблюдаются

ослабление значения крупного поместья и одновременно рост свободной крестьянской собственности, увеличение роли сельской общины. Руйяр подчеркивает, что свободная община существовала в Византии еще задолго до переселений на ее территорию славян (стр. 85), но она не отрицает того, что именно с появлением последних, а также в связи с раздачей солдатам земель государством, слой мелких землевладельцев значительно усилился (стр. 86). Руйяр не разделяет мнения тех современных западных историков, которые стремятся доказать, что славянская колонизация якобы не имела никакого значения для дальнейшего социально-экономического развития Византии, что она не способствовала будто бы укреплению общинных форм землевладения и т. д. (правда, нужно заметить, что подобная точка зрения стала особенно настойчиво выдвигаться уже после написания рецензируемой книги). Не присоединяется Руйяр — во всяком случае определенно — и к так называемой фискальной теории происхождения византийской общины; однако она подчеркивает значение общины как административно-фискальной организации, в то же время обходя молчанием вопрос о действительных источниках ее роста (стр. 90, 98—99). Это нежелание ясно определить свое отношение к наиболее острым и спорным вопросам аграрного развития Византии вообще характерно для автора. Так, Руйяр указывает на расхождения, существующие в оценке значения Земледельческого закона и в определении времени его возникновения, но сама не занимает какой-либо четкой позиции в этих вопросах.

Рассматривая Земледельческий закон и Податной устав, Руйяр подчеркивает значение свободной крестьянской собственности в аграрных отношениях в Византии этого периода и обращает внимание на тот факт, что в этих памятниках единой фискальной обложения выступает не поместье, а селение (стр. 90). Отмечает она и то, что источники, относящиеся к этому времени, не упоминают о колонах; однако Руйяр не объясняет причин этого в высшей степени важного явления (стр. 103—104). Нужно отметить, что анализ Земледельческого закона дан в книге бегло и довольно поверхностно; в особенности это касается тех статей закона, которые свидетельствуют о пережитках коллективной собственности на землю. Автор допускает и прямо ошибочные толкования, например, не видит разницы между *μισθωτής* и *δούλος*, приравнивая последнего к свободному слуге (стр. 97). Интересно замечание Руйяр о том, что в этот период крестьяне, в отличие от римских колоннов, стали ценить землю как источник своего существования и не смотрели на нее как на обузу, от которой следует избавиться (стр. 91). Однако Руйяр не раскрывает подлинного смысла этого изменения отношения непосредственного производителя к земле, которое свидетельствует об исторической прогрессивности феодального способа производства по сравнению с рабовладельческим: Руйяр не замечает, что ее собственное наблюдение противоречит ее же выводу о сходстве между средневековым париком и римским колоном. Кроме того, это в общем верное наблюдение нуждается в уточнении в свете данных Земледельческого закона и других источников, приводимых в рецензируемой книге и содержащих сведения о побегах крестьян, которые бросали свои земли, будучи не в силах вынести тяжесть податного гнета.

Повидимому, искусственно суженным подходом к проблемам аграрного развития Византии можно объяснить тот факт, что Руйяр не сочла нужным даже упомянуть о столь важном по своим последствиям явлении, как иконоборчество, с одной стороны, само порожденное глубокими изменениями в экономической и социальной жизни империи, а с другой —

сопровождавшееся серьезными перемещениями земельной собственности и новым обострением классовой борьбы.

Рассуждения Руйяр о *décadence des cultivateurs libres* (стр. 103) вызывают возражение вследствие того, что, с ее точки зрения, поглощение свободных крестьянских земель в поздней Римской империи и закрепощение общинников в обстановке развития феодального строя в VIII—X вв. представляют собой один и тот же лишь временно прерванный процесс.

Результаты этого процесса полностью сказались в следующий период истории Византии, которому посвящена третья часть работы (стр. 109—140). При Комнинах и Ангелах, пишет Руйяр, происходит укрепление крупного светского и церковного землевладения, землевладельческая аристократия пополняется новыми собственниками. Пожалования земельным магнатам иммунитетных привилегий, распространение системы бенефициев-проний придает аграрным отношениям в Византии „новый характер“. Здесь, а также в четвертой части своей работы (стр. 141—171), Руйяр несколько раз обращается к вопросу о том, можно ли говорить о существовании в Византии феодализма и в какой мере социальные отношения в империи напоминают западноевропейский феодализм. Суждения ее и по этому вопросу отличаются неопределенностью и противоречивостью. Боязнь впасть в „односторонность“ приводит автора к отказу от сколько-нибудь ясно выраженной точки зрения.

Руйяр считает неправильным думать, что феодальные учреждения уже победили в Византии ко времени четвертого крестового похода (стр. 140). Более того, по ее мнению, и после завоевания крестоносцами Константинополя и образования Латинской империи „византийская традиция“ оказалась сильнее, нежели западноевропейское феодальное влияние (стр. 147). Она отмечает также, что „латинские“ феодалы нашли на Балканах и в Малой Азии аграрную организацию, мало чем отличавшуюся от западноевропейского строя того времени (стр. 111—112). Разумеется, говоря о феодализме, Руйяр имеет в виду лишь политический и социальный строй, систему вассально-ленных отношений. Она исходит из господствующей в буржуазной историографии теории, согласно которой феодализм возник во Франкском государстве и лишь отсюда распространился по разным странам Запада; западноевропейские колонизаторы и завоеватели „занесли“ его с собою в страны, расположенные далеко от главного очага феодального развития¹. Таким образом, Руйяр полагает, что до четвертого крестового похода в Византии существовали в лучшем случае некоторые предпосылки феодализма, который, однако, был установлен лишь „латинскими“ феодалами (стр. 147). Но полного сходства с западноевропейским феодализмом, представляющимся ей образцом, феодализм византийский все же не достиг, так как в Византии не сложилось развитых отношений между сюзеренами и вассалами, стройной феодальной иерархии и т. д. (стр. 143).

Руйяр ставит вопрос о сходстве и различии между византийским париком и западноевропейским вилланом, но и этот вопрос также не решается ею сколько-нибудь определенным образом. Она указывает, что „латиняне“ называли париков „*vilains grecs*“ (в Романских ассизах), но вместе с тем считает важным то, что повинности парика долгое время носили государственно-публичный податный характер, который они якобы не утрачивали и после передачи парика государством под власть частного

¹ См. С. W. Previtte-Orton. *The Shorter Cambridge Medieval History*, vol. I. Cambridge, 1952, p. 418.

лица — крупного дината, причем вследствие этой передачи положение парика не менялось (стр. 123). Руйяр настаивает на чисто фискальном характере *παροική*, не учитывая того, что, во-первых, уже сама зависимость париков от государственной власти в условиях торжествующего феодализма неминуемо приобретала характер феодальной зависимости и что, во-вторых, передача служилым людям, приближенным императора, монастырям и другим представителям господствующего класса права собирать доходы с париков означала дальнейшее укрепление отношений феодальной эксплуатации. Вследствие этого Руйяр не замечает эволюции, которую претерпела прония, развивавшаяся в сторону приближения к феодальной вотчине. Руйяр считает, что парик на пронии становился похожим на западноевропейского вилана лишь тогда, когда собственник пронии получал сверх всего иммунитетное пожалование, и находит больше сходства между париком и римским колоном, прикрепленным к земле на основе государственного эдикта, нежели между париком и виланом (стр. 125—126).

Отмечая изменения, происшедшие в аграрной политике государства, которое после смены Македонской династии не было в состоянии более защитить крестьянство от динатов, автор не показывает причин этой перемены, хотя и говорит, что она отразилась на положении крестьянства (стр. 112).

Свободное крестьянство при Палеологах, продолжает Руйяр, подвергалось большей опасности разорения и закрепощения, нежели прежде, вследствие дальнейшего укрепления и роста крупного землевладения. Конкретные данные о росте церковного землевладения Руйяр черпает не только из опубликованных, но частично и из неопубликованных актов, из архива Лавры. Автор приходит к выводу, что монастырское землевладение росло быстрее, чем светское.

Руйяр отмечает возросший контраст между роскошью и блеском Константинополя и нищетой византийской деревни. Она справедливо указывает на то, что причинами бедственного положения крестьян были обремененность налогами, вымогательства чиновников, военные наборы и постой солдат, войны и грабежи, притеснения со стороны знати (стр. 135—140). Приводимый в этой связи фактический материал представляет значительный интерес. Эти условия вызывали обострение классовой борьбы, которая, как признает Руйяр, при Палеологах приобрела большой размах и остроту. Автор останавливается, в частности, на восстании зилотов (стр. 169). Однако сочувствие к тяжелому положению угнетенного крестьянства, неоднократно выражаемое автором, не может возместить бедности сведений о реальном положении крестьян, о формах их эксплуатации, об их социальном составе и имущественном расслоении.

В заключительной, пятой части своей книги (стр. 173—202) Руйяр приводит некоторые сведения о сельскохозяйственной технике, о культурах, возделывавшихся византийскими крестьянами, о скотоводстве и деревенском ремесле. Здесь же бегло затрагиваются религиозные представления и „интеллектуальная жизнь“ византийской деревни. В этой части материал особенно беден и отрывочен. Автор не устанавливает никакой связи между положением трудящихся масс деревни и распространением в Византийской империи религиозных ересей.

Руйяр, как мы могли убедиться, свойственно стремление уклониться от постановки ряда важнейших вопросов истории византийской деревни. И хотя метод описания, преобладающий в книге, не дает автору возможности совсем уйти от тех проблем, необходимость постановки которых вытекает из самого материала источников, однако эти проблемы решаются

в рецензируемой работе крайне неопределенно. Не желая в ряде случаев разделить воззрения некоторых реакционных историков (отрицание роли славян в истории Византии, игнорирование существования коллективных форм землевладения в VI—VIII вв., „фискальная теория“ возникновения общины и др.), Руйяр в то же время не отвергает их решительно и не противопоставляет им иной, последовательно обоснованной концепции. Намеченная же ею теория (конкуренция крупной и мелкой собственности как основа „сельской жизни“ империи на всем протяжении ее истории) в той трактовке, какую она получает при изложении конкретно-исторического материала, оказывается абстрактной схемой, не отражающей прогресса в экономической истории Византии. Признание Руйяр классовой борьбы между крестьянами и крупными землевладельцами все же не приводит ее к мысли о том, что эта борьба в значительной мере определяла развитие византийской „сельской жизни“ и что непрекращавшееся сопротивление крестьянства угнетению и закреощению имело прогрессивное значение.

При всех серьезных недостатках работы Руйяр советский историк с интересом прочтет те ее разделы (особенно части, относящиеся к византийскому Египту), в которых содержатся конкретные факты по истории крестьянства.

А. Я. Гуревич
